

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

NATUR UND MACHT

*Eine Weltgeschichte
der Umwelt*

JOACHIM RADKAU

Verlag C.H.Beck
MÜNCHEN

ПРИРОДА И ВЛАСТЬ

*Всемирная история
окружающей среды*

ЙОАХИМ РАДКАУ

*Перевод с немецкого
НАТАЛИИ ШТИЛЬМАРК*

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2014

УДК 930.1
ББК 63.3-7
P15

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор

кандидат исторических наук, доцент

АНАТОЛИЙ ЯМСКОВ

Радкау, Й.

P15   **Природа и власть. Всемирная история окружающей среды [Текст] /**
пер. с нем., сост. указ. Н. Ф. Штильмарк; вступ. слово Ю. Обертрайс; Нац.
исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей шко-
лы экономики, 2014. — 472 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. —
ISBN 978-5-7598-1109-1 (в пер.).

Взаимоотношения человека и природы не так давно стали темой исследований профессиональных историков. Для современного специалиста экологическая история (environmental history) ассоциируется прежде всего с американской наукой. Тем интереснее представить читателю книгу «Природа и власть» Йоахима Радкау, профессора Билефельдского университета, впервые изданную на немецком языке в 2000 г. Это первая попытка немецкоговорящего автора интерпретировать всемирную историю окружающей среды. Й. Радкау в своей книге путешествует по самым разным эпохам и ландшафтам — от «водных республик» Венеции и Голландии до рисоводческих террас Китая и Бали, встречается с самыми разными фигурами — от первобытных охотников до современных специалистов по помощи странам третьего мира. Красной нитью через всю книгу проходит мысль, что вопрос окружающей среды — это всегда вопрос власти. Смысловым центром книги является раздел «Вода, лес и власть». Не менее важна мысль, что «природа» — не только что-то внешнее по отношению к человеку, но и значительная часть его самого. История экологии, по мнению автора, — это история менталитетов. Особая ценность книги состоит в гигантском охвате использованной литературы — проанализированы не только ведущие труды известных зарубежных специалистов XX века, но и реакция на них.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 930.1
ББК 63.3-7

На обложке — фрагмент фотографии Уолкера Эванса (Walker Evans) «Joe's Auto Graveyard, Pennsylvania», 1935 г.

ISBN 978-3-406-63493-2 (нем.)
ISBN 978-5-7598-1109-1 (рус.)

© Verlag C.H.Beck oHG, München 2012
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО (Ю. ОБЕРТРАЙС)	8
ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	13
I. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	20
1. СКРЫТЫЕ ОПАСНОСТИ: СЛЕПЫЕ ПЯТНА, ШОРЫ НА ГЛАЗАХ И ТУПИКОВЫЕ ПУТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ.	20
2. ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ И ЛАБИРИНТ ВЫХОДОВ	27
Экскурс: теория Либиха — проблема сточных вод как основа истории окружающей среды	33
3. В ГЛУБЬ ВРЕМЕН. ИДЕАЛ ПРИРОДЫ: ЗАГАДОЧНАЯ СПОСОБНОСТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ	38
4. ДЕРЕВЬЯ ИЛИ ОВЦЫ? ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.	44
5. ЭКОЛОГИЯ КАК ОБЪЯСНЕНИЕ ИСТОРИИ: ОТ ГИБЕЛИ КУЛЬТУРЫ МАЙЯ ДО ИРЛАНДСКОГО ГОЛОДА	53
6. TERRA INCOGNITA: ИСТОРИЯ СРЕДЫ — ИСТОРИЯ ТАЙНОГО ИЛИ ИСТОРИЯ БАНАЛЬНОГО?	58
II. ЭКОЛОГИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СКРЫТОГО ЗНАНИЯ: ПЕРВОБЫТНЫЕ СИМБИОЗЫ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ.	64
1. В НАЧАЛЕ БЫЛ ОГОНЬ: ВСЕМИРНОЕ ОГНЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПИРОМАНИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	70
2. ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНОЕ — ОХОТА И ДОМЕСТИКАЦИЯ.	75
3. ОГОРОДЫ И САДЫ	84
4. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ПАСТУХИ	92
5. «ТРАГЕДИЯ ОБЩИННЫХ РЕСУРСОВ» И РАЗРУШЕНИЕ ДЕРНИНЫ. БЫЛО ЛИ ТРАДИЦИОННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО «ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫМ ГРАБЕЖОМ»?	104
6. МАТЬ ЗЕМЛЯ И ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ: К ВОПРОСУ ЭКОЛОГИИ РЕЛИГИИ	112

III. ВОДА, ЛЕС И ВЛАСТЬ	122
1. ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВО, ГОСПОДСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ	123
2. ЕГИПЕТ И МЕСОПОТАМИЯ: АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОНТРАСТ	130
3. ОРОШАЕМАЯ ТЕРРАСА: КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КЛЕТОК	135
4. КИТАЙ КАК ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ И КАК ПРИМЕР ДЛЯ УСТРАШЕНИЯ.	141
5. КУЛЬТУРЫ НА ВОДЕ В МАЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЕНЕЦИЯ И ГОЛЛАНДИЯ	158
6. МАЛЯРИЯ, ИРРИГАЦИЯ, СВЕДЕНИЕ ЛЕСОВ. ЭНДЕМИЯ КАК НЕМЕЗИДА ПРИРОДЫ И ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ.	171
7. СВЕДЕНИЕ ЛЕСОВ И «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ САМОУБИЙСТВО» СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: РЕАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ ФАНТОМ? ЭРОЗИЯ В ГАРМОНИИ С ПРИРОДОЙ И ЛОЖНАЯ ИСТОРИЗАЦИЯ	176
8. ЛЕС И ВЛАСТЬ В ЕВРОПЕ: ОТ СВЕДЕНИЯ ЛЕСОВ ДО ЭРЫ ЛЕСНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ	181
9. ГДЕ НАЧИНАЛОСЬ ОСОЗНАНИЕ КРИЗИСА — ГОРОДА И РУДНИКИ. . .	190
IV. КОЛОНИАЛИЗМ КАК ВОДОРАЗДЕЛ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	201
1. ИМПЕРИЯ МОНГОЛОВ И «ОБЪЕДИНЕНИЕ МИРА МИКРОБАМИ»	202
2. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАОКЕАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА	206
3. ГЕНЕЗИС ГЛОБАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА: КОЛОНИАЛЬНЫЕ И ОСТРОВНЫЕ ИСТОКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЭПОХИ МОДЕРНА	213
4. КОЛОНИАЛИЗМ И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИНДИИ	220
5. ЭКОЛОГИЯ ЯНКИ И ЭКОЛОГИЯ МУЖИКА	228
6. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ ПУТИ ЕВРОПЫ В ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛОНИАЛИЗМА ДЛЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ	234

V. У ПРЕДЕЛОВ ПРИРОДЫ	245
1. АТАКА НА ПОСЛЕДНИЕ РЕЗЕРВЫ	245
2. «ГДЕ НАВОЗ, ТАМ ХРИСТОС»: ОТ ПАРА И ЗАЛЕЖИ К «КУЛЬТУ НАВОЗА» И ПОЛИТИЗАЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ	256
3. СТРАХИ ПЕРЕД НЕХВАТКОЙ ДЕРЕВА. КАМПАНИЯ ПО ВОССОЗДАНИЮ ЛЕСОВ И АПОЛОГЕТИКА ЛЕСА В ЭКОЛОГИИ	264
4. РАЗВИТИЕ РЕЛИГИИ ПРИРОДЫ В ЭПОХУ МОДЕРНА	274
5. ПРИРОДА И НАЦИЯ. НА ПУТИ К КОНКРЕТИЗАЦИИ ОХРАНЯЕМОЙ ПРИРОДЫ	280
6. ПЕРВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ АНТИКРИЗИСНОГО МЕНЕДЖМЕНТА	295
VI. В ЛАБИРИНТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	306
1. ГЛУБОЧАЙШИЙ ПЕРЕЛОМ В ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ПРОВАЛ ГЛОБАЛЬНОЙ АМЕРИКАНИЗАЦИИ	306
2. КРОВЬ И ПОЧВА: АМОК АВТАРКИЗМА	316
3. ПОДОПЛЕКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕВОГ: АТОМНЫЙ АПОКАЛИПСИС И УЖАС ПЕРЕД РАКОМ	322
4. НАУЧНЫЕ, ДУХОВНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ	329
5. НЕПАЛ, БУТАН И ДРУГИЕ ВЫСОКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ТУРИЗМА, ПОМОЩИ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ И КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	336
6. ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ И ОТСУТСТВИЯ ГАРАНТИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ	352
ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ	365
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	456
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	466

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«**П**рирода и власть» — крупное и новаторское произведение. Оно подкупает своей масштабностью, склонностью к синтезу и множеством увлекательных и мудрых наблюдений. Читатель узнает немало нового: что историю можно понимать как историю обращения человека с природными ресурсами, что в конкретном обществе существует взаимосвязь между окружающей средой и властью, что у «сильных мира сего» уже с Античности существует «страсть» к строительству гигантских дамб, каналов и оросительных систем, столь хорошо известных нам из советской истории. Он узнает, что XVIII век не только в Европе, но и в Китае был периодом, когда люди стали более притязательны по отношению к природе, когда родилось представление о том, что территория, находящаяся под властью какого-либо союза или круга лиц, может и должна использоваться целиком и полностью, включая все ее ресурсы. Что касается этой «атаки на последние резервы», то для истории Российской империи важными были бы политика увеличения населения, проводимая Екатериной II, и долговременный процесс вытеснения кочевых степных народов. Эти темы не только соединили бы политическую историю с экологической, но и коснулись бы проблем имперской власти и политики в области национальных отношений.

Один из великих вопросов, которые задает России всемирная история окружающей среды — и в не меньшей степени «Природа и власть», — вопрос обращения крестьян с землей. Верно ли, и если верно, то в какие периоды и на каких землях, что крестьяне слишком мало ухаживали за землей и просто шли дальше, когда почвы истощались? Верно ли, как однажды объясняла мне моя подруга — социолог из Петербурга, что в России был (и до сих пор остается) широко распространен менталитет, согласно которому человека беспокоит только его собственный двор и собственная земля, а все, что лежит вокруг, — это лишь «дикое поле», которое совершенно спокойно можно использовать как помойку или просто забросить? И более общий вопрос: какая взаимосвязь существует между огромными размерами России и обращением людей с природными ресурсами, и как это выглядит в сравнении с другими крупными странами, такими как Китай или США?

Йоахим Радкау, автор этой книги, — «отец» немецкой истории окружающей среды — направления исторической науки, которая в последние 20 лет все сильнее пробивает себе дорогу. В современной России эта сфера деятельности, насколько я могу видеть, находится в стадии зарождения. Процесс этот — захватывающе интересен, и представленная

книга может содействовать ему. Безусловно, Россия (будь то Российская империя или СССР) представлена в ней очень мало. Этот пробел отражает состояние исследований экологических аспектов российской истории, и нам — изучающим ее — следовало бы трактовать его как призыв к тому, чтобы в будущем уделять больше внимания отношениям человека и природы.

Чтение этой книги может многому научить, ознакомить с множеством захватывающих фактов, приблизить к истории окружающей среды и побудить к исследованию великих тайн истории России. Я желаю русскому изданию книги много любознательных читателей.

Юлия Обертрайс,
профессор Университета Эрлангена — Нюрнберга
(Friedrich-Alexander-Universität Erlangen — Nürnberg)

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

В ночь перед тем, как приступить к работе над этой книгой, я увидел кошмарный сон: на маленьком разбитом самолетике я лечу где-то над Россией. Самолетик то и дело приземляется и бежит по ухабистым взлетным дорожкам. Я знаю, на его борту — атомные бомбы, неудивительно, что меня охватывает паническая дрожь. К счастью, вскоре я проснулся. Растолковать сон было нетрудно — он был почти открытым выражением неуверенности и тревоги. Прежде я предпочитал «средний уровень высоты» и подтрунивал над универсальными трудами по экологической истории, авторы которых взирали на Землю с высоты птичьего полета. Теперь мне самому предстоял рискованный экскурс во всемирную историю. Удастся ли мне найти подходящие места для посадки? Не станут ли тяжким балластом в дальнем полете те годы, которые я провел за изучением ядерных технологий? Что значило экологическое, а вместе с ним и экономическое фиаско коммунистического блока для тех экоисториков, которые возлагали надежды на социалистическую государственную экономику, ее способность преодолеть разрушение природы, вызванное частным корыстным интересом?

Вскоре после моего 50-летия я прочел в статье по истории лесов Индии, что согласно одному древнеиндийскому идеалу жизненного цикла, человеку, которому минуло 50, полагалось отправляться на поиски истины в лес (см. примеч. 1*). Эта мысль мне понравилась — история леса с давнего времени была и моей любимой темой. Но как выглядит историческая мудрость, вынесенная из леса? Вряд ли она будет столь громкой и звенящей, как мудрость пророка, пришедшего из пустыни; она прозвучит скорее вполголоса, сдержанно, преломленно, как свет, проходящий через древесные кроны. Экологическому историку, заранее уверенному в том, чем все кончится, нет нужды уходить в лес.

По словам Эрика Л. Джонса, чтобы написать универсальную историю, ему пришлось превратиться из ежа в лисицу (см. примеч. 2). А я, с тех пор как у меня появился свой сад, и в интеллектуальном отношении склонен скорее к ежиному образу: мне часто кажется, что тайны истории сокрыты прежде всего в микромирах и ускользают от того, кто привык колесить по свету. Подлинный прорыв экологическая история сможет совершить только через региональные полевые исследования. Собирая данные для этой книги, я в сомнительных случаях также опирался в основном на работы с «местным», локальным привкусом. Прав-

* Примечания к главам см. с. 363–452. — *Примеч. ред.*

да, сегодня региональные исследования нередко строятся на основе более общих исторических представлений и потому до путаницы похожи друг на друга. Чтобы понять особенности места, иногда нужно отойти подальше от него. Даже Оливер Рекхем с его неутомимыми издевками над всеобщими псевдоэкоисторическими трудами признается, что изменил точку зрения на английские живые изгороди, когда попал в Техас (см. примеч. 3). У путешественника, повидавшего террасированные поля Майорки, Гималаев, Анд, появляется странное ощущение: все они друг на друга и похожи, и не похожи. Совсем неплохо «наездить» себе в путешествиях эмоциональную канву для восприятия истории среды.

Основная прелесть экологической истории состоит в том, что она заставляет человека видеть и читать историю не только в «исторических местах», но во всем пространстве ландшафта. Постепенно понимаешь, что следы человеческой истории сокрыты буквально повсюду, даже в «нетронутой» природе: на скалистых осыпях, в степи, в джунглях. Во мне страсть к перемещениям поддерживалась страстью к безудержному, «дикому» чтению — пейзажи сменяли друг друга от «Истории государства инков» Инки Гарсиласо де ла Вега до «Сокровенного сказания монголов». История среды требует порой блуждающего взора, взора бродяги. Доверие природе включает уверенность, что из пестрого разнообразия в итоге возникнет новый порядок — абрис новой всемирной истории.

Как бы ни восхищала меня продуктивность американских экологических историков, но именно на конференциях по истории окружающей среды (*enviromental history*) в США я как никогда ясно осознал, что в эту историю необходимо включить опыт Старого Света: вместо культа «дикой природы» вспомнить об устойчивости древних культурных ландшафтов, вместо изучения образов индейцев проанализировать институциональные традиции (см. примеч. 4). Моему многолетнему собеседнику Франку Укёттеру (см. примеч. 5), который безжалостно разделался с первым вариантом рукописи этой книги, я обязан мыслью, что основной ключ к подлинно серьезной истории окружающей среды находится в различных институтах и организациях. Прежде я противился подобным взглядам.

Понятие «*sustainability*» — «устойчивость», бережное обращение с природными ресурсами, гарантирующее их сохранение для будущих поколений, вышло на сцену в качестве основной цели мировой экономики в 1992 году, начиная со Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро. Однако в немецком лесоводстве это понятие имеет многовековую историю. Современные критики воспринимают термин «*sustainability*» как пустую словесную оболочку, легитимирующую разграбление природных ресур-

сов. Но исторический комментарий может придать этой «оболочке» цвет и вещественность. Правда, та же история лесного хозяйства лучше всего демонстрирует многозначность этого концепта и его открытость для различных манипуляций. В любом случае лучшей альтернативы пока не видно.

Я и сам не раз высмеивал стандартные шаблоны и неразрешимые противоречия экологической истории: с одной стороны, постоянный рефрен «все это уже было...» (сведение лесов, хищническое разграбление недр, загрязнение рек), с другой — гимны древней гармонии человека и природы у индейцев. ... С одной стороны, пессимистичная «История человечества как история уничтожения природы», с другой — ревизионистская концепция «Человек как эпизод в вечной эволюции природы»: противоположные позиции до сих пор существуют независимо друг от друга. Однако у этого дискуссионного дефицита есть свои причины. Эмпирические исследования в большинстве своем заняты узкой тематикой, так что до фундаментальных вопросов дело просто не доходит. И это еще раз подтверждает, что пришло время попытаться написать всемирную историю окружающей среды так, чтобы использовать в ней мудрость, вынесенную из леса, пусть даже при этом неизбежны бесчисленные промахи и прорехи (см. примеч. 6).

Йоахим Радкау
2000

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предисловие к немецкому изданию этой книги начинается с кошмарного сна, который приснился мне перед тем, как я приступил к работе. Странное совпадение, но когда я собирался писать предисловие к русскому изданию, мне вновь приснился страшный сон, отразивший мои тяжкие раздумья о том, как представить книгу русскому читателю. Мне снилось, что я брожу по гигантскому строению, которое в некоторых местах кажется ярко расцветченным и пышно украшенным дворцом, в других — ветхой развалиной, а в целом производит впечатление безвыходного лабиринта.

За день до этого я, вооружившись классическим трудом Дугласа Уинера по истории охраны природы в Советском Союзе, уединился в одной из городских саун. Когда я зашел попариться, банщик, разыгрывавший русского и усердно махавший вениками, напустил такие клубы горячего пара, что я не выдержал и сбежал — я явно не дорос до такого «русского образа жизни». Вскоре после меня из парилки выскочила дама, русская немка — банщик сказал ей, что веники только что поступили из Чернобыля, и она не уверена в том, что это шутка. Конечно, это была шутка. Экологический историк, как тот банщик, сегодня легко впадает в цинизм. Однако цинизм ни к чему хорошему не приведет.

Обилие образов и фантазий, которое обрушивается на человека, размышляющего над темой «природа» как элемент в русской истории, впечатляет и вполне способно напугать того, кто жаждет внести в них хоть какой-то порядок. Меня это обескураживало в работе уже над первым изданием данной книги. Нет нужды отрицать: Россия — это ее слабое место. В годы между 1997-м и 1999-м, когда я над ней работал, на Западе было очень мало литературы по экологической истории России — даже меньше, чем по экологической истории Индии, Японии, Китая... Главный редактор «Вопросов истории» уверял меня тогда, что и в самой России положение с источниками не намного лучше. Правда, в Германии потоком шла литература о Чернобыльской катастрофе. Но экологическая история в том виде, в каком я ее понимаю, не должна быть простым придатком экопротестов, сплошной историей катастроф. Она должна исследовать элементы тысячелетней коэволюции человека и природы. Некоторые западные источники считали очевидным, что Чернобыль послужил катализатором распада Советского Союза. Действительно, в пользу этого существуют веские аргументы, и тем не менее немецкий экологический историк Юлия Обертрайс с полным правом указывает на то, что и эта причинно-следственная связь еще ждет своего исследователя.

К моей радости, с некоторого времени и в России стали появляться эколого-исторические исследования. Лучшее, что я могу пожелать себе от издания моей книги на русском языке, — чтобы оно послужило этому пробуждению, придало ему новые стимулы. При этом я ни в коем случае не рассчитываю на то, что мои высказывания о России будут восприняты как окончательные. Совсем напротив, моей целью является экологическая история без догматизма. Не следовало бы слишком быстро судить о том, что такое «хорошо», а что — «плохо»; ведь экологическая история имеет дело с непреднамеренными последствиями человеческих действий.

Уже сам гигантский размер России склоняет к обобщениям. В этом кроется опасность. И не только потому, что общие высказывания часто бывают банальны, но и потому, что в отдельных случаях они приводят к ошибкам. Лет 15 назад я ориентировался на саркастическое замечание русского историка Василия Осиповича Ключевского о своеобразном таланте традиционного русского крестьянина «истощать землю» и цитировал его в главе об американских фермерах, которым сам отец-основатель Соединенных Штатов приписывал такой же «талант». Однако осторожно! Суждение Ключевского могло отражать точку зрения аграрных реформаторов его времени. Аграрное хозяйство, малоприбыльное с современной точки зрения, не обязательно было экологически пагубным и совсем не обязательно вредило человеческому самочувствию — так что, вполне возможно, стремление к крестьянству, свойственное в старости Льву Толстому, было не только проявлением сельской романтики. И если в южнорусских степях плуг — что кажется доказанным — усиливает эрозию почвы, то это еще не означает, что в более северных землях будет происходить то же самое.

От российских коллег я слышал, что хотя в России существует общенациональное и местное сознание, при этом совсем не развито сознание региональное. Если это правда, то первостепенной задачей экологической истории могло бы стать привлечение внимания к региональным особенностям, что могло бы также принести пользу и политическим экологическим инициативам. Не случайно в охране природы чаще всего вперед выходят небольшие страны, где при возникновении экологических проблем лучше просматриваются связи между причиной и следствием. «Россия слишком велика, чтобы выработать у себя экологическое сознание», — жаловалась мне лет 10 назад коллега из России. Даже в Соединенных Штатах экологическое сознание, как правило, имеет региональный характер: в штатах Новой Англии оно совсем иное, нежели в Орегоне или Калифорнии. Экологические инициативы, которые не только состоят из высоких слов, но и имеют практическую значимость, имеют по большей части региональную подоплеку. Смысл глобальной

экологической истории состоит, с моей точки зрения, не только в том, чтобы способствовать международному взаимопониманию в экологической политике, но и в том, чтобы посредством сравнения выявлять самобытность и своеобразие множества микромиров. То, что в русском языке слова «родина» и «природа» имеют один и тот же корень, должно что-то значить.

Дуглас Р. Уинер составил свой первый обзор по истории охраны природы в Советском Союзе² до открытия советских архивов, а второй труд, гораздо более обширный³, — на основе первых архивных исследований. Он мечтал о том, что сделает там множество открытий. Как раз в таком государстве, как Советский Союз, где начиная с 30-х годов не могло существовать открытой общественной дискуссии, поверхностное впечатление может быть обманчивым. Сегодняшние историки постоянно находят указания на то, что и советское плановое хозяйство, особенно в свою позднюю фазу, ни в коем случае не было механизмом, идеально управляемым руководящими инстанциями. Многое в нем протекало вне плана. Экологическим историкам, исследующим советскую историю, следовало бы обратить внимание на непреднамеренные последствия советской системы. Инертность этой системы в некоторых — хотя, конечно, не во всех — отношениях была с экологической точки зрения здоровее, чем эффективность западного капитализма. В ГДР защитники окружающей среды хотя и приходили в ужас от вида буроугольных бассейнов, урановых карьеров и химических заводов, зато умели ценить качество переработки отходов, низкий уровень загрязнения почв минеральными удобрениями и множество тех прекрасных аллей, аналоги которых на Западе пали жертвой роста количества автомобилей. Повторюсь: по сути своей экологическая история — это история непредумышленных последствий человеческих действий, и поэтому она не терпит слишком быстрых и слишком общих суждений.

Исходя из изложенного в данной книге, мне представляются перспективными для будущих исследований по экологической истории России следующие семь тем (при этом я ни в коем случае не претендую на исчерпывающий список):

² *Weiner D.R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia.* Bloomington: Indiana University Press, 1988. (Пер. на рус. яз.: *Вайнер Д.Р. (Уинер). Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / пер. с англ. Е. Крюковой. М.: Прогресс, 1991.*) — *Здесь и далее, если не указано иного, примеч пер.*

³ *Weiner D.R. A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev.* University of California Press, 1999. 556 p. (На русском языке книга до сих пор не издана.)

1. Как я уже писал выше, большая часть неразрешимых загадок экологической истории скрыта в почве. Здесь может помочь только региональная история. Великая традиция исследования почв существует в России с конца XIX века. Русская наука в течение долгого времени оставалась мировым лидером почвоведения, не случайно многие типы почвы имеют русские наименования. Если экологические историки в своих исследованиях подхватят эту давнюю традицию, они могут вновь занять высочайшее положение в мире. Более того, они могли бы иметь очень важное для современной жизни практическое значение. Тема «почва», которая в 1930–1940-е годы под воздействием североамериканского «пыльного котла» определяла мировую экологическую дискуссию, а впоследствии вновь ушла в тень, сегодня опять выходит вперед!

2. Тот факт, что значительную часть истории России определяет тема «лес», поначалу кажется слишком банальным и не обещает великих новых открытий. Но и это впечатление может быть ложным. В начале 1980-х годов я вовлек историков леса в 30-летний спор, высказав сомнения в том, что авторы немецких лесных реформ в начале XIX века спасли Германию от катастрофических вырубок. Ужасающие картины уничтожения лесов в более ранний период также неплохо было бы перепроверить. Василий Докучаев (1846–1903), основатель современного русского почвоведения, критиковал теорию, согласно которой южнорусские степи были исходно покрыты лесом. Я признаю, что поначалу я видел в Докучаеве духовного собрата; тем не менее возникает ощущение, что на значительной части степного пояса история обезлесения вовсе не является легендой. Что касается других ее частей, то, напротив, правы могут быть те, кто воспринимает степь как девственную, эталонную экосистему. Еще раз — ни в коем случае нельзя слишком увлекаться собственной теоретической парадигмой!

3. Некогда в одном докладе в университете г. Ярославля я вызвал взрыв веселья своим тезисом о том, что появление ватерклозета сыграло в истории XIX века более серьезную роль, чем Наполеон. При сильнейшей склонности современной истории к нематериальному, к истории дискурса, явно приходит время *material turn* — поворота к материальному. Фредерик Грабер, написавший в 2001 году рецензию на книгу «Природа и власть» в *Annales* (школа «Анналов» за последние 50 лет проделала гигантскую работу, предварившую труды по экологической истории!), счел особенно примечательной и достойной обсуждения мою попытку с помощью историко-экологических аргументов привлечь внимание к теории Карла Августа Витфогеля (1896–1988) о гидравлическом обществе⁴. И это в то время, ког-

⁴ См.: наст. изд., главу III раздел 1 «Гидростроительство, господство и экологическая цепная реакция».

да имя Витфогеля для многих табуизировано. Да, я признаю, что испытываю слабость к Витфогелю, с которым я успел лично познакомиться. В том же признавался мне Марк Элвин, ведущий эксперт по экологической истории Китая, когда писал в 1999 году: «Кажется, от духа Витфогеля не избавиться» (*It would appear that KAW's ghost cannot be exorcized*). Что в данном случае означает *ghost* — «дух» или же «призрак»?

Биография Витфогеля воистину безумна: теорию о «гидравлическом обществе» он выдвинул, как коммунист-фантастик, видя за ней будущее коммунистической традиции. Однако после того, как во времена нацистов Витфогель чуть не погиб на мелиоративных работах в концлагере Эстервеген, он переписал ее заново, теперь видя в ней источник тоталитарного государства, и был осужден либералами как маккартист. Но именно эта двойственность мышления обладает особым обаянием для непредвзятой экологической истории. Очевидно, что в России гидростроительные проекты могут быть обширной темой для новых исследований не только истории экономики и техники, но и окружающей среды. Мой коллега Штефан Мерль, эксперт по эпохе Хрущева, вместе с которым мы неоднократно читали в России доклады, считал, что экологическое фиаско гидравлических проектов в Центральной Азии было главной причиной провала его политики. Несчастьем Хрущева Мерль считает то, что генсек (в отличие от Сталина) воображал, что разбирается в сельском хозяйстве.

4. Применительно к гидравлике общие суждения, что такое «хорошо» и что такое «плохо», также обычно имеют мало смысла; скорее, нужно пристально вглядываться в конкретные случаи и принимать во внимание региональные особенности. Если отказаться от применения ядерной энергии, то гидроэлектростанции в принципе нельзя подвергать обструкции. Потребности орошения и защита против наводнений также вполне легитимны. И тем не менее именно гидростроительство во многих частях мира служит источником классических примеров нежелательных последствий деятельности человека. Здесь экологическому историку нередко понадобится понимание исторической иронии: то, что, с одной стороны, предстает мерой в защиту окружающей среды, оказывается с другой — ее разрушением. Проект Давыдова — переброска сибирских рек во внутреннюю Азию — мог бы спасти Аральское море, которому грозило осушение вследствие проведения Каракумского канала. Когда этот мегапроект провалился, спасти Аральское море было уже нельзя.

5. Тема, очень долгое время не покидающая всемирную экологическую дискуссию, — альменда, общинная земля. В этой книге описан спор, который был развязан Гарретом Хардином в 1968 году и стал про-

должением дебатов XVIII века⁵. В 1990-е годы дискуссию подхватила Элинор Остром — она сумела реабилитировать альменду, доказав, что в определенных обстоятельствах общинная земля не так плоха, как о ней многократно говорили. В 2009 году благодаря этой работе Остром стала первой женщиной, получившей Нобелевскую премию по экономическим наукам. Этой темой имело бы смысл заняться и в процессе экологического переоткрытия истории России. Давние дебаты по поводу *общины* между почвенниками и западниками кажутся сегодняшней научной интеллигенции старомодным спором о позавчерашнем дне. Однако если учесть некоторые аспекты охраны почв и воздержаться от слишком общих суждений, эту дискуссию можно оживить и сделать интересной, не в последнюю очередь в связи с вопросом о том, насколько сильно традиционная сельская община нашла свое продолжение в советских колхозах — или же, напротив, она была ими окончательно разрушена. Моя супруга Орлинда, изучавшая славистику, в 1970-е годы хотела защищать диссертацию по данной теме, но в то время, на базе существовавших источников, ответить на этот вопрос было невозможно. Сегодня эта тема вполне могла бы служить путем выхода из бесплодного противопоставления марксизма и антимарксизма.

6. Тема, особенно острая для современных защитников окружающей среды, — охота. Защитники животных — наиболее воинственная группа на сегодняшней экосцене. Охотники в их глазах — не кто иной, как подлые убийцы. Однако же любовь к дикой природе, если смотреть с социально-исторической точки зрения, порождена в первую очередь охотничьей страстью. Охотники часто и небезуспешно защищают себя тезисом, что они гораздо лучше знают дикую природу, чем официальные защитники животных в своих офисах. Конечно, и в русской истории охота — большая и богатая тема. Есть теория, что власть в России обязана своим происхождением охотничьим союзам; известна роль охоты в завоевании Сибири, да и в истории советских заповедников отразились интересы охотников. Эта тема также представляет собой заманчивое поле деятельности для непредвзятого исследования. Возможно, здесь экологическая история особенно явно вливается в мейнстрим общей российской истории.

7. Для меня особенно щекотливой темой в экологической истории является климат. До сих пор я не могу отрицать, что испытываю по этому поводу большую неуверенность. Благодаря тревогам, связанным с глобальным потеплением, вышла на пик моды тематика «How-climate-made-history», тем более что здесь в распоряжении у авторов находятся немалые грантовые щедроты. И это тем более заставляет вниматель-

⁵ См.: наст. изд., главу II раздел 5 «Трагедия общинных ресурсов» и разрушение дернины».

нейшим образом перепроверять, какая часть этой литературы является всего лишь данью моде. И тем не менее как с точки зрения логики, так и на основании эмпирических данных есть сведения о том, что «малый ледниковый период», начавшийся в конце Средних веков, особенно затронул Россию (из-за чего глобальное потепление в современной России пробуждает надежды, которые могут оказаться обманчивыми!).

Есть и совсем иное, что делает климат горячей темой в истории советской экологии: Трофим Денисович Лысенко, могущественный любимец Сталина, и его сподвижники ратовали за акклиматизацию полезных растений в тех регионах, которые по своим условиям сильно отличались от мест их происхождения. Его противник, Владимир Владимирович Станчинский, тайный герой Дугласа Уинера, ратовавший за сохранение исходной растительности, ставил идею акклиматизации под вопрос. В Вологде 10 лет назад я вспоминал, что Станчинский был сослан туда по настоянию Лысенко и умер в полном одиночестве. В истории российской науки Лысенко не без причины считается сегодня позорным пятном. И все же, в вопросах акклиматизации нет абсолютных истин, не зависящих от времени и места. Последней модой в литературе «*How-climate-made-history*» является *Resiliense* (пластичность) — способность природы в известных границах приспосабливаться к изменениям климата. И здесь экологическая история России могла бы предоставить богатую почву для непредвзятого исследователя.

При чтении труда Дугласа Уинера («*A Little Corner of Freedom*») меня особенно впечатлило, в какой степени охрана природы, даже в унифицирующих условиях советской системы, способствовала появлению сильных, ярких и независимых личностей. Фотографии, помещенные в этой большой книге, демонстрируют целый ряд внушительных, хотя и не всегда привлекательных, лиц. Однако фотография, на которой запечатлен Феликс Робертович Штильмарк, дышит нежностью и любовью. Со стареньким велосипедом он стоит на берегу озера и держит на руках свою кошку. Уинер, хорошо знавший этого человека, приводит его слова: «Природа — это не только то, что вне нас, но вместе с нами она образует единое целое, и мы — лишь небольшая частица единого великого организма природы». Эти слова в точности соответствуют и моей цели: через историю отношений человека и природы расширить экологическую историю, сделав ее историей отношений человека к его собственной природе. И потому я был восхищен тем, что мою книгу перевела дочь Феликса Штильмарка — Наталия. В такие моменты я верю, что в нашей жизни существует скрытое единство, если мы внутренне открыты ему.

Йоахим Радкау
Билефельд, октябрь 2013

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ЙОАХИМ РАДКАУ

ПРИРОДА И ВЛАСТЬ
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 01.08.2014. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 38,4. Уч.-изд. л. 32,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1715. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-1109-1

9 785759 811091